

КАЛУЖСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 11.

1882 г. ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ. Іюня 15.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ поддан-
нымъ:

Въ 1-й день сего Іюня Любезнѣйшая Супруга
НАША, Государыня Императрица Марія Феодоровна
благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ
НАМЪ Дочери, нареченной Ольгою.

Таковое Императорскаго Дома НАШЕГО прира-
щеніе приемя новымъ ознаменованіемъ благодати Бо-
жіей, на НАСЪ и Имперію НАШУ изливаемой, возвъ-
щаемъ о семъ радостномъ событіи вѣрнымъ НАШИМЪ
подданнымъ МЫ увѣрены, что всѣ они, вмѣстѣ съ
НАМИ, вознесутъ ко Всевышнему теплыя молитвы о

благополучнемъ возрастѣ и преусибяніи Поворожденной.

Во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуеъ, Повелываемъ писать и именовать Сію Любезнѣйшую НАМЪ Дочь, Великую Княжну, Ея Императорскимъ Высочествомъ.

Данъ въ Александріи, въ 1-й день Іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ второе, Царствования же НАШЕГО во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА:

I. Отъ 2-го іюня 1882 г. за № 1076, о Высочайшемъ манифестѣ по случаю разрѣшенія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ бремени.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: во 1-хъ вѣдѣніе Правительствующаго Сената, отъ 1 сего іюня за № 7982, и во 2-хъ предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 2 сего же іюня за № 2562, съ приложеніемъ Высочайшаго манифеста о разрѣшеніи Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ бремени рожденіемъ дочери, нареченной Ольгою, и объ именованіи Поворожденной Великой Княжны Ея Императорскимъ Высочествомъ. И, по справкѣ,

приказали: означеннаго Высочайшаго манифеста напечатать потребное число экземпляровъ для церквей с.-петербургской епархіи и вѣдомствъ главныхъ священниковъ гвардіи и гренадеръ и арміи и флотовъ, препроводить таковыя, при печатныхъ указахъ, для зависящихъ распоряженій, преосвященному митрополиту с.-петербургскому и главнымъ священникамъ гвардіи и гренадеръ и арміи и флотовъ, а прочимъ мѣстамъ и лицамъ духовнаго вѣдомства объявить чрезъ напечатаніе сего въ „Церковномъ Вѣстникѣ“; Правительствующему же Сенату сообщить о семъ вѣдѣніемъ.

II. 23-го апрѣля—19-го мая 1882 года за № 741, о путевомъ содержаніи и временномъ пособіи кандидатамъ священства отправляющимся на службу въ Тобольскую, Томскую и Енисейскую епархіи.

По указу Его Императорскаго Величества. Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 16-го апрѣля 1882 года за № 5106 (по Хозяйственному Управленію), въ коемъ изъяснено, что государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ, рассмотрѣвъ внесенное, по порученію, Святѣйшаго Синода, представленіе о порядкѣ выдачи кандидатамъ священства, отправляющимся на службу въ Тобольскую, Томскую и Енисейскую епархіи, путевого содержанія и единовременныхъ пособій, мнѣніемъ положилъ: кандидатамъ священства, отправляющимся изъ внутреннихъ губерній Россіи на служеніе въ Тобольскую, Томскую и Енисейскую епархіи, выдавать путевое содержаніе и единовременное пособіе на первоначальное обзаве-

деніе въ тѣхъ же размѣрахъ, какіе установлены Высочайше утвержденнымъ, 26-го января 1863 г., опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода для кандидатовъ священства, поступающихъ на службу въ Иркутскую епархію, т. е. сверхъ установленныхъ прогоновъ, по 60 коп. въ сутки на путевое содержаніе и по 300 руб. въ пособіе на первоначальное обзаведеніе съ тѣмъ чтобы означенныя прогоны и суточные деньги, а также пособіе на первоначальное обзаведеніе, были выдаваемы отправляющимся въ вышепомянутыя епархіи, примѣнительно къ Высочайше утвержденному, 18 февраля 1858 года, положенію сибирскаго комитета, на мѣстахъ отправленія“. Его Императорское Величество означенное мнѣніе государственнаго совѣта, въ 30 день марта сего года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. И, по справкѣ, п р и к а з а л и: объ изложенномъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта, для свѣдѣнія и должнаго, въ потребныхъ случаяхъ, руководства, дать знать подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ духовнаго вѣдомства, чрезъ напечатаніе въ журналъ „Церковный Вѣстникъ“.

III. Отъ 23 апрѣля—22 мая 1882 г. за № 49, о пособіи діаконамъ, псаломщикамъ и причетникамъ, назначаемымъ на священническія мѣста въ кубанское и терское казачьи войска.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали вѣдѣніе Правительствующаго Сената, отъ 9 апрѣля 1882 года за № 5136, о томъ, что государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе военнаго министра о размѣ-

рѣ пособія, слѣдующаго къ выдачѣ дяконамъ, псаломщикамъ и причетникамъ, назначаемымъ на священническія мѣста въ кубанское и терское казачьи войска, мнѣніемъ положилъ: въ разъясненіе Высочайше утвержденнаго 29 ноября 1866 года положенія кавказскаго комитета (полное Собраніе законовъ т. XLII, № 43917) постановить, что при отправленіи изъ внутреннихъ губерній дяконовъ, псаломщиковъ и причетниковъ, предназначенныхъ на священническія мѣста въ кубанское и терское казачьи войска, прогоны, путевое довольствіе и пособіе на первоначальное обзаведеніе должны быть выдаваемы имъ въ размѣрѣ, определенномъ для священниковъ, и что такое мнѣніе государственнаго совѣта въ 9 день марта 1882 года Его Императорское Величество утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. П р и к а з а л и: для напечатанія объ изъясненной Высочайшей волѣ сообщить въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ по установленному порядку.

IV. Отъ 7—22 мая 1882 г. за № 881, о воспрещеніи лицамъ не христіанскихъ вѣроисповѣданій производства торговли иконами, крестами и т. п.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 29 апрѣля сего года за № 2022, въ коемъ изъяснено, что, согласно определенію Святѣйшаго Синода отъ 2—30-го октября минувшаго 1881 г., внесено было въ государственный совѣтъ представленіе объ изданіи узаконенія, воспрещающаго евреямъ и вообще не христіанамъ производство

торговли иконами и другими вещами, составляющими предметъ чествованія христіанъ. Нынѣ государственный секретарь препроводилъ къ нему, г. синодальному Оберъ-Прокурору, выписку изъ журналовъ соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи 6 марта и общаго собранія 5 апрѣля сего года, изъ коей видно, что государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ означенное представленіе, мнѣніемъ положилъ: въ дополненіе главы V раздѣла I устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (Св. зак. т. XIV изд. 1876 г.) постановить: „Лицамъ не христіанскихъ вѣроученій воспрещается производить публичную торговлю иконами, крестами и тому подобными предметами чествованія христіанъ“. Таковое мнѣніе государственнаго совѣта Его Императорское Величество Высочайше утвердилъ и повелѣлъ исполнить. И, по справкѣ, при казали: объ изъясненномъ въ настоящемъ предложеніи Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта относительно воспрещенія лицамъ не христіанскихъ вѣроученій производства публичной торговли иконами, крестами и тому подобными предметами, составляющими предметъ чествованія христіанъ, сообщить для напечатанія въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ въ редакцію сего Вѣстника по принятому порядку.

III

Опредѣленіе Епархіальнаго Начальства.

По указу Святѣйшаго Синода, о назначеніи благонадежныхъ и способныхъ іеромонаховъ на свободныя вакансіи священниковъ при церквахъ укрѣпленій Джукель, Сырь-Дарьинской области, и Никусь Аму-Дарьинскаго отдѣла.

Калужская Духовная Консисторія сдѣлала указъ Святѣйшаго Синода, отъ 15 мая сего 1882 г. за № 1600, слѣдующаго содержания: преосвященный Туркестанскій представилъ Святѣйшему Синоду о назначеніи двухъ благонадежныхъ и способныхъ къ веденію церковнаго писмоводства іеромонаховъ на свободныя вакансіи священниковъ при церквахъ укрѣпленій Джукель, Сырь-Дарьинской области и Никусь, Аму-Дарьинскаго отдѣла, объясняя, что изъ мѣстныхъ священниковъ нѣтъ желающихъ занять эти вакансіи, потому, что священники названныхъ укрѣпленій, кромѣ 540 руб. штатнаго содержанія, никакихъ другихъ матеріальныхъ выгодъ неимѣютъ, а между тѣмъ продовольствіе тамъ обходится крайне дорого. Въ виду сего, Святѣйшій Синодъ предписываетъ объявить по калужской епархіи не пожелаетъ ли кто изъ монашествующихъ подходящихъ подъ указанныя преосвященнымъ Туркестанскимъ условія, занять священническія мѣста въ вышеназванныхъ укрѣпленіяхъ. Приказали и Его Преосвященство утвердить: съ изложеніемъ сего указа дать знать чрезъ епархіальныя вѣдомости настоятелямъ монастырей, калужской епархіи, для объявленія онаго монашествующимъ лицамъ.

III.

Объявляется Архипастырское благословеніе Его Пресвященства: 1) Ливенскому купцу Лаврентію *Застателеву* за пожертвованіе въ церковь с. Дубны напрестольнаго креста цѣною въ 120 р.; 2) прихожанамъ с. Бора, крестьянамъ дер. Арсеневки Тимоѳею *Городничеву* и дер. Верхней Вязовни Антону *Генералову* за пожертвованіе въ свою приходскую церковь первымъ на вызолоченіе ризы на иконѣ и исправленіе оной 385 р., и послѣднимъ хоругвей, цѣною въ 110 руб.

IV.

Свѣдѣнія по Епархіальному Управленію.

Награжденъ Всемилостивѣйше орденомъ св. Анны 2 ст. г. Калуги Предтеченской церкви протоіерей Іоаннъ *Любимовъ*, — марта 27.

Произведенъ въ санъ протоіерея Пресвященнѣйшимъ Владиміромъ Епископомъ Калужскимъ настоятель собора г. Медыни, священникъ Петръ *Палладинъ*, — мая 1.

Утверждены депутатами по гражданскимъ дѣламъ во 2 благочинническомъ участкѣ, мешовскаго уѣзда, священники сель: Сенькова Семень *Баталинъ*, и Гавриль Михайль *Покровский*, — мая 18.

Посвящены въ стихарь исправляющіе должность псаломщиковъ: при Серпейскомъ соборѣ Георгій *Троимкій* и с. Дальняго Березова Алексѣй *Соколовъ*, — мая 8.

**ВѢДОМОСТЬ О СУММАХЪ АССИГНОВАННЫХЪ КЪ ОТПУСКУ ИЗЪ
КАЗНЫ НА ШТАТНОЕ СОДЕРЖАНІЕ ПО КАЛУЖСКОЙ ЕПАРХІИ НА
1882 ГОДЪ.**

Статьи расход- ной смѣты.	Наименованіе расхо- довъ.	Назначено на 1882 г.		Сроки выдачь.
		Сумма.		
		Рубли.	К.	
	По КАЛУЖСКОЙ ЕПАРХІИ.			
	§ 3.			
1	Содержаніе духовной кон- сistorи.	11020	»	Жалованье по про- шествіи мѣсяца, а столовныя впередъ за мѣсяць (ст. 581 и 582 III т.).
	Итого по § 3	11020	»	
	§ 4.			
1	Содержаніе архіерейска- го дома и кафедральнаго собора, въ томъ числѣ:			Въ началѣ
	Содержаніе епархіальна- го Преосвященнаго	1500	»	
	Собора, архіерейскаго штата и зданій архіерей- скаго дома	6351	»	
3	Взамѣнъ слѣдующихъ изъ казны угодій	57	»	
	Итого по § 4	7908	»	каждой
	§ 5.			
2	Содержаніе мужскихъ мо- настырей:			

Статьи расх ной смѣты	Наименованіе расхо- довъ.	Назначено на 1882 го		Сроки выдачь.
		Сумма.		
		Рубли.	К.	
	Боровскаго Пафнутаева.	1861	3	
	Малоярославецкаго Ни- колаевскаго Черноострож- скаго	668	88	
	Лихвинскаго Покровскаго Добраго	711	72	половины
	Перемышльскаго Троиц- каго Лютикова	711	72	
3	Женскихъ монастырей:			
	Калужскаго Казанскаго.	338	11	
4	Взамѣнъ слѣдующихъ по положенію отъ казны уго- дій	"	"	
	Малоярославскому Чер- ноострожскому	171	42	
	Итого по § 5	4462	88	
	§ 6.			
	Содержаніе городского и сельскаго духовенства	86864	54	По истеченіи полугодія.
	Итого по § 6	86864	54	

Статьи расходной сметы.	Наименование расходовъ.	Назначено на 1882 г.		Сроки выдачь.
		Сумма		
		Рубли.	К.	
	§ 7.			
2	Постройки и починки	»	»	
	Итого по § 7	»	»	По мѣрѣ
	§ 9.			
1	Пособіе новорукоположеннымъ и перемѣщаемымъ священникамъ	»	»	
3	На прогоны и путевыя издержки	200	»	
	Итого по § 9	200	»	надобности.
	А всего	110455	42	

V.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Правленія Калужской Духовной Семинаріи.

Правленіе Калужской Духовной Семинаріи объявляетъ, что пріемныя испытанія для поступленія въ 1-й классъ калужской семинаріи для учениковъ оканчивающихъ курсъ калужскаго и мещовскаго духовн. училищъ имѣютъ быть производимы въ семинаріи съ 10 по 24 іюня включительно, — и потому желающіе подвергнуться

таковымъ испытаніямъ должны явиться для сего въ семинарію и подать прошенія о томъ, съ приложеніемъ нужныхъ документовъ (ученики училищъ—училищныхъ свидѣтельствъ, а не обучавшіеся въ училищахъ—метрическихъ свидѣтельствъ о рожденіи и крещеніи)—не позже 9 іюня. На сіи испытанія могутъ являться лица, не обучавшіеся въ духовныхъ училищахъ, которымъ, впрочемъ, предоставляется возможность держать приѣмные экзамены для поступленія въ семинарію и послѣ лѣтнихъ каникулъ съ 16 августа сего года.

Имѣются праздныя мѣста:

Псаломщиція: въ сел. Ивановскомъ, Тарусскаго уѣзда; Межетчинъ, Медынскаго уѣзда; Лычевъ Калужскаго уѣзда.

Членъ Консисторіи, Каедральн. Протоіерей *А. Кошбелкинъ.*

Секретарь *Н. Томашевскій.*

ПРИВѢЩЕНІЯ

КЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

Цѣна годовому изданію
3 руб. безъ пересылки,
3 р. 70 к., съ пересыл-
кою и упаковкою.

№ 11.

Выходятъ два раза въ
мѣсяцъ 15 и 30 или
31 числа.

1882 г.

Юня 15.

Содержаніе: Поученіе въ недѣлю о слѣпомъ. Воспо-
минанія объ Александрѣ Ивановичѣ Соколовѣ, бывшемъ на-
ставникѣ калужской семинаріи. Способы привѣтствованія
другъ друга у различныхъ народовъ. Извѣстіе. Объявленія.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ НЕДѢЛЮ О СЛѢПОМЪ.

Никто, конечно, не будетъ спорить, братіе, что слѣ-
пота есть великое несчастіе. Миръ Божій застилается
навсегда передъ слѣпымъ, и какъ бы заживо отлучаетъ
его отъ людей и отъ природы. Поэтому все, что толь-
ко возможно сдѣлать для облегченія и услажденія жизни
слѣпыхъ, является священнымъ долгомъ для насъ зря-
чихъ. Въ виду этого образовалось особое попечительство
для призрѣнія слѣпыхъ. Попечительство это имѣетъ цѣ-
лю во первыхъ излеченіе, воспитаніе и обученіе слѣ-
пыхъ дѣтей и приготовленіе ихъ къ самостоятельной
дѣятельности, во вторыхъ — попеченіе о взрослыхъ слѣ-
пыхъ, посредствомъ помѣщенія ихъ въ заведенія, гдѣ
они могли бы изучить доступныя для нихъ ремесла, или
же посредствомъ помѣщенія въ богадѣльни не способ-
ныхъ къ труду, слабыхъ и престарѣлыхъ.

Но для успѣха такой обширной дѣятельности, попечительству о слѣпыхъ нужны и обширныя средства. Гдѣ же взять ихъ? Человѣколюбивое попечительство обращается къ сочувствію человѣколюбиваго Русскаго народа. Ему разрѣшено ежегодно производить повсемѣстный сборъ въ городскихъ и монастырскихъ церквахъ для призрѣнія слѣпыхъ, именно въ настоящую 5 недѣлю по Пасхѣ, которая именуется по уставу недѣлею о слѣпомъ.

Что же, братіе и чада мои духовныя, заключимъ ли свое сердце отъ состраданія къ бѣднымъ, несчастнымъ слѣпцамъ? Откажемъ ли въ помощи симъ живымъ мертвецамъ? Да, братіе, не говоря уже о томъ, что Самъ сладчайшій Утѣшитель скорбящихъ подаетъ намъ примѣръ въ оказаніи помощи слѣпымъ, какъ слышали вы нынѣ изъ евангельскаго чтенія, сколько другихъ побужденій для насъ къ такому состраданію!

Зрѣніе есть драгоценный даръ Божій, посредствомъ котораго человѣкъ можетъ наслаждаться красотами природы. Зрѣніе доставляетъ ему услажденіе при созерцаніи неба и свѣтилъ небесныхъ; зрѣніе доставляетъ ему услажденіе видѣніемъ громоздящихся къ небу горъ, необозримыхъ лѣсовъ, зеленѣющихъ полей, покрытыхъ цвѣтами луговъ. Слепецъ лишонъ всѣхъ сихъ удовольствій. Онъ среди окружающихъ его красотъ природы остается, какъ мертвецъ въ могилѣ, окруженный однимъ мракомъ. Зрѣніе есть драгоценный даръ Божій, посредствомъ котораго мы видимъ своихъ ближнихъ, своихъ присныхъ, — своего отца, мать, братьевъ. Кто не испыталъ, какое сладостное чувство доставляетъ намъ глхъ

видѣніе, особенно послѣ разлуки, да еще продолжительной? Не для того ли стараемся имѣть и портреты ихъ, что намъ пріятно ихъ видѣть предъ собою? Посредствомъ зрѣнія, въ храмахъ Божіихъ на св. иконахъ мы видимъ предъ собою изображенія Сладчайшаго Спасителя, Его Пречистой Матери, Его св. Угодниковъ, — видимъ изображенія событій изъ ихъ жизни. Всѣхъ этихъ удовольствій, всѣхъ этихъ духовныхъ наслажденій лишены несчастные слѣпцы.

Зрѣніе есть драгоценный даръ Божій посредствомъ котораго мы пользуемся свободою въ дѣлахъ: посѣщаемъ родныхъ, знакомыхъ; идемъ въ храмы Божіи; вообще посѣщаемъ или дорожия для насъ чѣмъ либо, или замѣчательныя чѣмъ либо мѣста; свискиваетъ себѣ и свосму семейству пропитаніе и все необходимое, употребляя на то Богомъ дарованныя намъ силы. Но лишеныя зрѣнія лишены возможности дѣлать все это: они идутъ только туда и тогда, куда и когда ихъ поведутъ. Это постоянные темничные узники, постоянно прикованные къ одному мѣсту, лишеныя дорогой для человѣка свободы. А дѣлать слѣпецъ еще болѣе лишонъ возможности. А При всемъ сознаніи своихъ силъ, при всемъ желаніи употребить ихъ въ дѣло, онъ обречень на постоянное бездѣйствіе; онъ обречень на постоянную зависимость отъ другихъ; онъ обречень пользоваться лишь тѣмъ, что ему Богъ пошлетъ, отъ родныхъ, или ближнихъ, — много-ли, мало-ли, — достаточно-ли, нѣтъ-ли, — долженъ довольствоваться тѣмъ, что подадутъ. Не тяжело-ли это?...

Такъ, братіе, жалкая, горькая, безотрадная участь слѣпыхъ взываетъ къ нашему братскому христіанскому сердцу: помогите слѣпымъ, Христа ради!

Сжалимся же братіе, надѣ слѣпными, этими несчастными братіями нашими. Поможемъ имъ, чѣмъ можемъ. Ты можешь подать только малое, — копѣйку, подай и ее. Россія наша обширна, восьми десяти миллионна: если бы всѣ и малое пожертвовали, и тогда составилось бы восемьдесятъ тысячъ. И сколько бы тогда облегчилась участь несчастныхъ слѣпыхъ! Иные изъ нихъ получили бы зрѣніе, другіе обучены бы были возможнымъ для нихъ ремесламъ, а слабые и неспособные были бы призрѣны въ богадѣльняхъ. Не удержимъ же руки своей отъ подаянія для ихъ призрѣнія: добродотно бо дается любить Богъ, любить и награждаетъ. Аминь.

Протоіерей *Алексій Троицкій.*

Воспоминанія объ Александрѣ Ивановичѣ Соколовѣ, бывшемъ наставникѣ калужской семинаріи.

Александръ Ивановичъ Соколовъ, бывший воспитанникъ Ярославской семинаріи и потомъ Московской духовной академіи, по окончаніи академическаго образованія, поступилъ на службу въ Калужскую семинарію въ 1870 году и здѣсь все время преподавалъ св. писаніе и еврейскій языкъ. Въ 1872 году былъ избранъ и съ тѣхъ поръ непрерывно состоялъ членомъ педагогическаго собранія правленія семинаріи, а съ 1879 г. и распорядительнаго. Въ 1876 преподано ему благословеніе Св. Синода за усердную службу; въ 1879 г. всемилостивѣйше пожалованъ орденъ св. Станислава 3 ст. По болѣзни, согласно прошенію, уволенъ отъ служ-

бы 18 февраля; скончался 9 марта 1882 года. Всего состоялъ на службѣ одиннадцать съ половиною лѣтъ.

Александръ Ивановичъ былъ сынъ причетника (Ярославской губерніи, Мышкинскаго уѣзда, села Спасскаго) и далеко не единственный у отца. Родители его, Иванъ Андреевичъ и Авдотья Ѳедоровна, выростили семерыхъ сыновей (изъ которыхъ еще одинъ умеръ ученикомъ семинаріи) на свои мѣдные гроши, которые получали высокую цѣну въ рукахъ Ивана Андреевича, опытнаго сельскаго хозяина, обработывавшаго, въ пору силъ своихъ, при помощи семьи, не только свой причетническій надѣлъ, но и снимавшаго для посѣвовъ и покосовъ землю у другихъ членовъ причта и даже на сторонѣ. Усердные труженники—родители подали назидательный примѣръ честнаго труда и своимъ дѣтямъ. Александръ Ивановичъ не разъ вспоминалъ сельскія работы и занятія своего отца и съ глубокимъ уваженіемъ къ послѣднему рассказывалъ объ его искусствѣ вести свое скромное хозяйство. Однако, если судьба самаго Ивана Андреевича съ Авдотьей Ѳедоровной обрекла на физическій, земледѣльческій трудъ, то не такую, вовсе незавидную, участь готовили они своимъ дѣтямъ: попечительнымъ родителямъ всячески ихъ хотѣлось вывести, какъ говорится, въ люди. Трудъ и хозяйство всецѣло обращались ими въ средство къ тому, чтобы дать сыновьямъ образованіе. Свѣтлыя надежды на будущее дѣтей, а съ ними вмѣстѣ и свое, оправдываемыя время отъ времени и иногда, можетъ быть, сверхъ чаянія, ободрали и подрывляли причетника съ его женою, а ихъ матерію, въ многолѣтнихъ заботахъ и примиряли съ собственными лишеніями. Безропотно отдавалъ онъ послѣднія копейки своимъ „семинаристамъ“ и везъ, вмѣстѣ съ ними, мѣшки, кадочки

и махотки, наполненные различными продуктами сельского хозяйства, въ городъ къ „хозяйкъ“ на содержаніе ея квартирантовъ, а то и за квартиру, лишь бы только его сынки „кончили курсъ“. Правда, ничтожными со всѣмъ, да и непримѣнными подобныя средства оказывались, когда подымался вопросъ (онъ же долженъ былъ подыматься и подымался не разъ, потому что Соколовы, дѣти причетника, шли по семинаріи большею частію отлично) о Москвѣ или Питерѣ, объ академіи или университетѣ. Но тутъ важно было уже то, что Иванъ Андреевичъ въ своихъ недостаткахъ, а Авдотья Федоровна въ своей материнской привязанности не выставляли препятствія къ высшему образованію, не спѣшили найти въ томъ или другомъ сынѣ, искавшемъ въ свою очередь академической, или университетской скамьи, себѣ помощника въ содержаніи подростковъ и ради того не вынуждали вовсе никого изъ нихъ обратиться поскорѣе отъ школы къ службѣ, пристроиться къ мѣсту, да поближе къ родному селу. Скорѣи и здѣсь они „чѣмъ богаты, тѣмъ и рады“ были. Трогательное, можно сказать, доказательство тому мы будемъ имѣть случай представить впереди. Наконецъ, религиозно-нравственное настроеніе дѣтей составляло вѣнецъ всѣхъ родительскихъ заботъ Ивана Андреевича и Авдотьи Федоровной: сами они люди высокой нравственности, набожные. Въ этомъ отношеніи авторитетъ ихъ былъ надежнымъ руководителемъ для дѣтей.

Мы не даромъ остановились на семьѣ, изъ которой вышелъ Александръ Ивановичъ. Семья—первая школа человѣка; она прежде всего даетъ ему нравственный складъ, опредѣляетъ его характерныя черты. Представленіе семьи—главной воспитательницы можетъ и должно для насъ объяснять много въ жизни и характерѣ покойнаго.

Въ дѣтствѣ Александръ Ивановичъ отличался необыкновенною нѣжностію и чувствительностію. По воспоминаніямъ семейнымъ, какъ сообщаетъ одинъ изъ братьевъ его, къ нему не только никогда не примѣнялись строгія мѣры тѣлеснаго наказанія, но и въ замѣчаніяхъ и выговорахъ приходилось быть съ нимъ чрезвычайно разборчивымъ и осмотрительнымъ: такъ онъ былъ воспримчивъ и деликатенъ. Подобнаго рода осторожность, конечно, потребовалась особенно, когда настало время „заучивать“ впечатлительнаго мальчика; иначе на самыхъ первыхъ же порахъ легко было отбить у него охоту къ книгѣ. И дѣло не было испорчено: святая искра знанія не была потушена, не смотря на букварный способъ обученія, какимъ могъ воспользоваться въ данномъ случаѣ отецъ причетникъ по завѣщанію своихъ предковъ. Сердоболіе родительское сдумало облегчить суровость стариннаго метода для чувствительнаго питомца. Отъ букваря не бѣжалъ „Саша“, какъ отъ кары, за что то его постигшей, прятаться куда либо подъ застрѣху, но перешелъ рано къ чтенію книгъ и главнымъ образомъ церковной печати. Церковныя книги и особенно житія святыхъ были въ дѣтствѣ любимымъ его чтеніемъ; при чемъ послѣднія производили на него сильное впечатлѣніе; нерѣдко повергали его въ слезы. Вообще его дѣтская натура была запечатлѣна чѣмъ-то мистическимъ, и слѣды нѣкоторой выпренности на всегда остались въ немъ.

Съ такимъ нѣжнымъ, чувствительнымъ сердцемъ тяжело должна была показаться мальчику грубая, непривѣтливая обстановка дореформеннаго духовнаго училища, куда онъ былъ отданъ. Однако эта среда не ожесточила и не изуродовала его мягкой природы: всю свою нѣжность, всѣ свои

мечты перенестъ онъ на родительскій домъ. При всей бѣдности многосемейныхъ родителей, всѣ силы свои положившихъ на воспитаніе своихъ сыновей, при всѣхъ лишеніяхъ и скудости въ содержаніи, онъ никогда не жаловался, никогда не ропталъ и постоянно уступалъ въ пользу другихъ братьевъ то, что могло бы принадлежать ему по праву. Видя на каждомъ шагѣ лишенія и самопожертвованіе бѣдныхъ отца съ матерью, не щадившихъ своего здоровья, лишь бы „дотянуть“, невзыскательный сынъ, еще будучи не большимъ школьникомъ, нерѣдко отклонялъ родителей отъ намѣренія сплечь ему тулупчикъ, или сюртучекъ новый, выражая полную готовность довольствоваться пока старымъ: „еще прохожу и въ этомъ—зиму или лѣто, обыкновенно говорилъ онъ. Подобныхъ фактовъ непритязательности, скромности и доброты, заключаетъ братъ покойнаго, намъ пишущій, много помнятъ въ нашей семьѣ, и родители нерѣдко, бывало, рассказывали о томъ въ назиданіе младшихъ братьевъ“. Чтобы избавить родителей отъ лишніхъ расходовъ и затрудненій, а съ другой стороны, не лишитъ себя пріятности отдохнуть тѣломъ и духомъ въ родительскомъ домѣ послѣ продолжительныхъ школьныхъ занятій, Александръ Ивановичъ старался предупредить лишнюю поѣздку отца въ городъ въ неудобное по погодѣ или по хозяйству время и, подобно другимъ своимъ товарищамъ—бѣднякамъ, хаживалъ пѣшкомъ на Пасху и лѣтнія вакаціи изъ города Ярославля въ село Спаское за сто слишкомъ верстъ, перенося на пути всякія невзгоды и лишенія. И такія путешествія дѣлалъ онъ не по одной необходимости, не ради предполагаемаго отказа со стороны отца въ „подводѣ“, но по предварительномъ уведомленіи о томъ родителей съ своей стороны, дабы не было послѣднимъ напраснаго безпокойства.

Впрочемъ и здѣсь, на родинѣ, довольно потрудившійся въ школѣ семинаристъ не предавался совсѣмъ праздности. Въ лѣтнее время онъ принималъ участіе во всѣхъ работахъ своего отца-причетника и былъ умѣлымъ работникомъ. Сѣнокосъ, жнитва, молотьба—ничто изъ этого не миновало рукъ его. И все это Александръ Ивановичъ исполнялъ не только не тяготясь, но какъ то особенно любовно; всѣ радости и огорченія отца, сельскаго хозяина, онъ воспринималъ чрезвычайно живо и интересовался его хозяйствомъ необыкновенно; входилъ во всѣ мельчайшіе расчеты и виды, соединенные съ земледѣліемъ своего трудолюбиваго родителя, былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ его; въ сельскихъ работахъ покойникъ всегда умѣлъ находить свѣтлую сторону и искренне любилъ физическій трудъ. Съ такимъ расположеніемъ онъ остался до конца; влеченій его къ сельскимъ занятіямъ полевымъ не подавила городская жизнь и въ періодъ его службы; книги и ученическія тетради не отучили его вовсе отъ косы и другихъ подобныхъ орудій деревенскихъ работъ. Имѣя тестемъ своимъ также сельскаго хозяина, о. діакона,—хозяина болѣе крупнаго и самостоятельнаго, Александръ Ивановичъ еще съ большимъ, кажется, интересомъ относился къ его успѣхамъ по хозяйству. И въ этомъ случаѣ, нужно увѣрить, въ немъ дѣйствовалъ интересъ не скопидома—материалиста, ищущаго прибытка если не себѣ, такъ своимъ, а, просто, идеальнаго любителя деревни съ ея заботами. Кстати здѣсь вспоминается намъ одно обстоятельство изъ послѣдняго времени жизни покойника. Онъ въ послѣднее лѣто, когда, кволий и хворый, отдыхалъ и лечился въ деревнѣ, не преминулъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ удовлетворить своей хозяйственной страсти и—въ большомъ саду, прилегающемъ къ дачѣ, устроилъ сѣнокосъ: рано утромъ,

пока трава влажна, съ косою въ рукахъ, а какъ солнце пригрѣвать станетъ, вѣтерокъ продувать, съ граблями, или вилами Александръ Ивановичъ на своей полянѣ — и такъ нѣсколько дней, пока явились рабочіе и докончили остальное, или, вѣрнѣе, исполнили эту работу подлѣ его же наблюдени-емъ. Мы не беремъ судить, какъ это и непродолжительное увлеченіе подѣйствовало на здоровье покойника. Но дѣло въ томъ, что увлеченіе избраннѣйшимъ занятіемъ составляло одну между прочимъ изъ характерныхъ чертъ его. Александръ Ивановичъ если что дѣлалъ, то дѣлалъ по большей части съ увлеченіемъ и настойчивостію. Безъ того онъ скорѣе броса-лъ дѣло; или оно у него, по его те собственному созна-нію, изъ рукъ валялось. Такой увлекающійся, въ свое вре-мя юный, работникъ тѣмъ больше увлекался въ лѣта юности, въ пору училищной и семинарской жизни деревенскими раз-влеченіями и удовольствіями, когда постилъ въ селѣ Спас-скомъ. Рѣка, лѣсъ съ дѣтства имѣли для него особенную прелесть: цѣлые дни, свободные отъ полевыхъ работъ, про-водилъ онъ въ своемъ любимомъ „Кузнецовѣ“ (ближайшемъ лѣсу отъ села Спаскаго), то увлекаясь усилѣхами своими по части собиранія грибовъ, то улаждаясь голосами птицъ, или, просто, просиживая часами предъ какимъ нибудь муравей-никомъ, заинтересовавшимъ его хлопотливыми движеніями сво-ихъ обитателей. Къ рыбной ловлѣ, именно, къ ужению рыбы онъ питалъ положительную страсть; для него не было удо-вольствія лѣтняго пріятнѣе рыбной ловли и именно самаго способа ужения рыбы, при чемъ онъ дѣлалъ самыя разно-образныя и подробныя наблюденія. Подлѣ дома, въ огородѣ также не мало находилось развлеченій для такого природо-любца: то, бывало, онъ возится съ цыплятами, курами, го-лубями, кормить ихъ, слѣдить за ихъ ростомъ и развитіемъ,

то разсаживаетъ огородные овощи, поливаетъ, полетъ, ухаживаетъ за ними. И опять имъ руководила тутъ не хозяйственная корысть, а любовь къ природѣ, къ наблюдениямъ надъ предметами ея, надъ многоразличными ея процессами. И опять всё подобныя увлеченія оставались въ Александрѣ Ивановичѣ до конца его жизни: и въ городѣ, на учительствѣ, онъ не могъ отказать себѣ въ удовлетвореніи ихъ, при всѣхъ къ тому неудобствахъ квартирной обстановки, въ видимый ущербъ своей домашней экономіи. Въ лѣтніе же каникулы въ деревнѣ онъ считалъ тотъ именно день не потеряннымъ для отдыха, когда удавалось ему побывать въ лѣсу, или на рѣкѣ. Съ раннихъ лѣтъ въ немъ проявлялась вообще страсть къ сельской жизни среди природы, и онъ всегда, будучи на службѣ, высказывалъ свою завѣтную мечту устроиться къ концѣ-концовъ именно такъ, чтобы быть поближе къ природѣ: съ этой не осуществившейся мечтой Александръ Ивановичъ и ушелъ на тотъ свѣтъ.

Мы обошли молчаніемъ квартирную жизнь Александра Ивановича въ бытность его ученикомъ училища и семинаріи, — кочеваніе по тѣмъ смраднымъ квартирамъ, которыя доставались не такъ давно исключительно на долю „семинаристовъ“, какъ и теперь иногда достаются, — проживаніе у тѣхъ не застѣчивыхъ хозяекъ, которыя по совѣсти дѣляютъ кроху своихъ квартирниковъ чуть не пополамъ съ собою, за ту, кажется, мнимую опеку надъ семинаристами, которую они брали на себя и которая должна была замѣнить материнскую заботливость о костюмѣ дѣтей, о чистотѣ и опрятности содержанія ихъ бѣлья и постели, объ избавленіи ихъ отъ разныхъ насѣкомыхъ и пр., а также строгость родительскаго надзора за ихъ домашнимъ поведеніемъ. Вся эта свое-

образная и неприглядная обстановка до реформеннаго семинариста известна всѣмъ—однимъ по личному опыту, а другимъ по разсказамъ испытавшихъ ее и всякимъ литературнымъ очеркамъ. Бѣдность и лишенія семинариста—пономарскаго сына тѣмъ болѣе можетъ представить себѣ каждый, прошедшій семинарскую школу, или знающій со стороны исторію ея. И однако, не смотря на всю бѣдность и лишенія, Александръ Ивановичъ подобно другимъ своимъ братьямъ, находилъ силы и средства весьма успѣшно заниматься семинарскими науками и окончилъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ своей семинаріи. „Мнѣ приходилось, свидѣтельствуя одинъ изъ братьевъ покойнаго, кончившій курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, свидѣтельству котораго мы не можемъ не повѣрить,—мнѣ приходилось читать его (Ал. Ив.) сочиненія и удивляться замѣчательно логическому развитію его мыслей, всегда прямо относящихся къ раскрытію данной темы. Отсутствіе вычурности, напыщенности, безсодержательной фразы—отличительная черта изложенія ихъ“. Такимъ, нужно замѣтить, Александръ Ивановичъ заявлялъ себя и въ зрѣлѣе годы, когда мы его стали знать близко.

Благодаря содѣйствію старшаго брата—священника, Александръ Ивановичъ поступилъ въ Московскую духовную академію для продолженія образованія. Какъ ни бѣдны были его родители, содержавшіе сразу по три—четыре человѣка въ училищѣ и семинаріи, какъ ни нуждались въ помощи, но съ истиннымъ великодушіемъ благословили они своего втораго сына на высшее академическое образованіе, хотя и не могли съ своей стороны обѣщать достаточное пособіе для покрытія различныхъ будущихъ нуждъ сына, неизбѣжныхъ и при казенномъ содержаніи въ академіи. Однако попечитель

ный родитель посылалъ своему „академику“ изрѣдка рубликовъ пятокъ, а матушка снабжала его бѣльею, которое и отправляла въ академію съ „оказіей“, или по почтѣ, завернувъ при этомъ въ какое нибудь полотенце трехрублевую, вырученную за день или кудело. Этими очень рѣдкими и незначительными присылками, конечно, нельзя было обойтись, и Александръ Ивановичъ принужденъ былъ взять на себя письмоводство при комитетѣ духовной цензуры. Изъ своего маленькаго четырехрублеваго жалованья онъ уже удѣлялъ и на чай, и на табакъ, и на мелкія принадлежности костюма, и на дорогу къ родителямъ. Бывать же и гостить въ каникулярное время въ своемъ Спасскомъ онъ любилъ по прежнему. Если не доставало у Александра Ивановича на проѣздъ, такъ Иванъ Андреевичъ на этотъ разъ выручалъ его изъ бѣды: замѣчательно, почтенный старецъ самъ ѣздилъ изъ Спасскаго, что близъ Углича, на своей лошаденкѣ въ Троицко-Сергіеву-Лавру за своимъ студентомъ, чтобы привезти его на праздникъ Рождества Христова. А старушка мать по веснѣ ходила навѣстить „голубчика“ въ академіи кстатѣ и помолиться угоднику Сергію Родонежскому. И скромный, трудолюбивый студентъ академіи съ радостію ѣхалъ домой на святки на отцовскихъ саняхъ и въ свою очередь съ истинно-сыновнею нѣжностію принималъ мать-богомолку, пристроивъ ее на нѣсколько дней въ академическомъ корпусѣ, чему благопріятствовало то обстоятельство, что сынъ ея, какъ письмоводитель, пользовался, вмѣстѣ съ другими такими же товарищами, особымъ помѣщеніемъ. Не стыдился Александръ Ивановичъ, бывший въ восторгѣ отъ посѣщеній своего отцомъ и матерью, не знавшій, какъ обласкать своихъ старцевъ, за бѣдность своихъ сельскихъ родителей, не стѣснялся въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ ни товарищей, ни кого другаго.

Отщепенство было явленіе, противное его взглядамъ и убѣжденіямъ, его натурѣ. Пріѣзжая на каникулы студентомъ, Александръ Ивановичъ держалъ себя просто, скромно, непритязательно, чѣмъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ: въ церкви принималъ участіе въ богослуженіи на клиросѣ съ своимъ отцемъ; ему же помогалъ по прежнему—семинарскому въ полевыхъ работахъ; справлялся о всѣхъ перемѣнахъ въ семейномъ быту своихъ родныхъ и знакомыхъ—духовныхъ, навѣщалъ ихъ, съ искреннимъ участіемъ входилъ во всѣ нужды и заботы ихъ,—и всѣ восхваляли его благородство, скромность и доброту. И послѣ не разъ съ презрѣніемъ отзывался онъ и рассказывалъ о тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось встрѣчать молодыхъ людей—студентовъ (только не академіи), прежнихъ своихъ же воспитанниковъ, всѣмъ обязанныхъ своему духовному происхожденію и малодушно или кичливо отрекающихся и первоначально воспитавшей ихъ школы и своего званія. А такія встрѣчи, къ сожалѣнію, не рѣдки въ настоящее время!

Объ академическихъ собственно отношеніяхъ и занятіяхъ Александра Ивановича мы не имѣемъ желательныхъ подробностей, хотя два года учились тамъ, въ лаврѣ, вмѣстѣ. Александръ Ивановичъ жилъ при комитетѣ и только въ часы досуга и развлечения приходилъ на „курсъ“ и то на свой, т. е. къ своимъ товарищамъ; тогда какъ нашъ младшій курсъ помѣщался въ отдѣльномъ корпусѣ. Раздѣльность помѣщенія студентовъ разныхъ курсовъ не вели, правда къ полному разобщенію ихъ: помимо общихъ лекцій, когда оба курса сходились вмѣстѣ, устраивались иногда общія товарищескія собранія и вечера въ зимнее время, а лѣтомъ многочисленныя прогулки въ лѣсъ; тутъ всѣ были между собою

друзья—приятели. Также хаживали студенты обоихъ курсовъ другъ къ другу изъ корпуса въ корпусъ, при чемъ больше влекло однихъ къ другимъ землячество. Но всего этого не достаточно, чтобы представить цѣльный образъ Александра Ивановича—студента. Мы знали другъ друга, но не были близко знакомы. Хорошо помнится только, что Александръ Ивановичъ и среди своихъ товарищей былъ студентъ скромный, добродушный, веселый, довольный своею судьбою, охотникъ до пѣня, всегдашній участникъ въ общихъ увеселеніяхъ и прогулкахъ. Занятія же его исполнялись совсѣмъ келейно, при двухъ только сожителяхъ его, а почему они совсѣмъ не извѣстны намъ. По воспоминаніямъ самаго покойнаго, онъ много читалъ, особенно по философіи, профессора которой глубоко уважалъ, и ц. исторіи. Благоговѣно отзывался онъ до конца жизни также о незабвенномъ о ректорѣ академіи Ал. В. Горскомъ, имѣвшемъ на него, можно предполагать, сильное вліяніе. Не подъ вліяніемъ ли послѣдняго Александръ Ивановичъ избралъ темой выпускнаго своего сочиненія разсужденіе „о молитвѣ?“ Имъ онъ съ любовью и усердіемъ занимался и по этому предмету перечиталъ обширную литературу, хотя половину этой кропотливой работы пришлось ему исполнять уже на службѣ, при многочисленныхъ классныхъ урокахъ и продолжительныхъ вечернихъ приготовленіяхъ къ нимъ.

По выходѣ изъ академіи, не получая долго назначенія на мѣсто, Александръ Ивановичъ испыталъ то неприятное переходное положеніе, которое нерѣдко достается на долю оканчивающихъ курсъ академіи и, за неполученіемъ скорого назначенія, проживающихъ, гдѣ и какъ пришлось. Прагма, попечительный старшій братъ—священникъ облегчалъ ему,

по возможности, трудность этого переходнаго времени; однако выжидательное не определенное положеніе должно было томить его; а мѣсто между тѣмъ все не открывалось. За это время ожиданія одинъ эпизодъ произвелъ на него сильное и вмѣстѣ тяжелое впечатлѣніе. Въ родной ему Ярославской семинаріи освободилась тогда кафедра церковной исторіи, и Александръ Ивановичъ, всегда мечтавшій занять учительское мѣсто въ родномъ Ярославлѣ, по ближе къ роднымъ, чтобы быть для нихъ болѣе полезнымъ помощникомъ, подалъ въ правленіе семинаріи прошеніе о допущеніи его къ пробнымъ урокамъ по означенному предмету, въ которомъ кстати онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ по своимъ академическимъ занятіямъ. Тѣмъ чувствительнѣе для него было разочарованіе. Явился ему, только что оставившему академическую скамью, опытный конкуррентъ; прочитаны были соискателями въ Ярославской семинаріи пробныя лекціи, и—хотя Александръ Ивановичъ получилъ отзывъ сполна удовлетворительный о самыхъ чтеніяхъ своихъ,—большинствомъ голосовъ все-таки былъ избранъ его соперникъ, какъ обнаружившій болѣе опытности въ практическихъ приемахъ веденія классныхъ занятій съ учениками. Нужно было такимъ образомъ Александру Ивановичу разстаться съ благородною мечтою посвятить себя на службу родной семинаріи и быть опорой семьи на своей родинѣ. Потянулись опять дни томительнаго выжиданія мѣста. Александръ Ивановичъ вернулся послѣ этой неудачи въ Троицкую Лавру, чтобы не упустить случая занять первую открывшуюся вакансію, какъ ему было обѣщано отъ академіи. Понуждаемый обстоятельствами, онъ рѣшился, наконецъ поступить на кафедру св. писанія въ калужскую семинарію, хотя и не былъ достаточно готовъ къ преподаванію этого предмета, и

выдержалъ съ успѣхомъ установленное для этого испытаніе посредствомъ опять пробныхъ лекцій при академіи.

Такъ прибился, наконецъ, Александръ Ивановичъ послѣ шестнадцати-лѣтняго ученія къ берегу. Начался новый періодъ жизни; начались новые труды, болѣе самостоятельныя и упорныя, посвящаемыя болѣе другимъ, чѣмъ себѣ. Первые годы чтеній по предмету, не бывшему его спеціальностію, потребовала отъ него весьма усиленныхъ занятій; онъ работалъ неутомимо: рукъ его не миновало ни одно капитальное изслѣдованіе по его предмету, на русскомъ ли то, или иностранномъ (новомъ нѣмецкомъ и древнемъ латинскомъ) языкѣ, ни одно руководство и пособіе, какія только находились въ семинарской бібліотекѣ, довольно обширной, и получались въ нее повременно; все это изучивалось, прочитывалось и просматривалось. Къ тому же Александръ Ивановичъ долженъ былъ изучать еврейскій языкъ какъ ради преподаванія его ученикамъ, такъ и ради своего главнаго предмета. Не прочь былъ онъ хоть нѣкоторую часть особенно излюбленныхъ имъ пособій по своему предмету приобрести для себя на свои не богатые средства. Особенно много изданій бібліи на разныхъ языкахъ, древнихъ и новыхъ, съ комментаріями, и безъ нихъ, оставилъ онъ послѣ себя въ своей маленькой домашней бібліотекѣ.

Конечно, не для себя только покойный запасалъ свѣдѣнія по предмету своего преподаванія, а для самаго преподаванія. Настойчивый искренній преподаватель желалъ непременно подѣлиться своими знаніями съ своими учениками, ставилъ дѣло такъ, чтобы предметъ его пользовался возможно большимъ авторитетомъ между учениками. По курсу семинарскаго образованія предметъ изъясненія св. писанія по-

ставленъ во главу всѣхъ богословскихъ наукъ, почему предшествоуетъ и сопутствуетъ всѣмъ послѣднимъ, почему распределенъ, какъ обширный, по всѣмъ шести классамъ семинари. Если для кого, то для преданнаго своему дѣлу преподавателя библейской науки понятна и очевидна была вся важность знанія ея для будущихъ пастырей церкви, какими онъ долженъ былъ представлять себѣ своихъ учениковъ; и потому всю энергію свою, всѣ силы свои напрягалъ онъ къ тому, чтобы текстъ св. писанія, употребляемый въ нашей церкви, прежде всего былъ по возможности усвоенъ учениками; затѣмъ, чтобы смыслъ его, толкуемый въ духѣ строго-православномъ, былъ воспринятъ ими не памятью только, на время, а вѣрующимъ сердцемъ и умомъ. Тогда только познанія библейскія онъ считалъ плодотворными для своихъ учениковъ. Не даромъ сами ученики успѣли подмѣтить хорошо въ преподаваніи его искренность, сердечность, основательность и толковость. Объясненія его были не многорѣчивы, но вняты и вразумительны; кратки, но содержательны; каждое слово его было зрѣло, обдуманно, по отзывамъ его же слушателей. Да и не должно оно было быть инымъ. Уже готовый въ достаточной мѣрѣ къ класснымъ урокамъ по своимъ знаніямъ, Александръ Ивановичъ до конца дѣйствительной службы своей не покидалъ предварительныхъ приготовленій къ этимъ урокамъ. Очевидно, вопросъ въ этомъ случаѣ былъ для него не столько въ матеріалѣ для урока, сколько въ способѣ и приѣмахъ передачи этого матеріала ученикамъ съ возможно большимъ успѣхомъ и меньшею тратою времени. Имѣя въ рукахъ обширную программу по предмету св. писанія, покойникъ всегда затруднялся, по собственному его не однократному признанію, въ согласованіи и исполненіи двухъ главныхъ и общихъ требованій преподаванія: и сооб-

пить ученикамъ все необходимое и требуемое программю; сдѣлать съ ними все желательное и какъ хотѣлось бы, и провѣрить степень усвоенія учениками прежде сообщеннаго, — и сказать ученикамъ и выслушать отвѣты ихъ по преподаванному. А отвѣтъ требовался также хорошо осмысленный и по возможности точный, по примѣру самаго наставника. Даромъ воздухъ бить словами никакъ не дозволялось ученикамъ, и всякое поползновеніе подобнаго рода со стороны учениковъ, фальшивый расчетъ не быть такимъ образомъ уличеннымъ въ недостаточномъ приготовленіи урока, оговаривались гораздо строже, чѣмъ полная не готовность къ ответу. Немало потому же возставалъ Александръ Ивановичъ противъ механическаго заучиванія уроковъ, выбора одною памятью — явленія, которое онъ замѣчалъ въ менѣ способныхъ ученикахъ и объяснял, но не оправдывалъ, не всегда усиленною для нихъ многочисленностію уроковъ и обширностію программъ и учебниковъ. Вообще покойный — воспитанникъ дореформенной семинаріи, признавая за семинарскимъ образованіемъ послѣднихъ лѣтъ преимущество фактическаго знанія, искренно желалъ своимъ воспитанникамъ, сообразно съ тѣмъ, большей солидности, въ смыслѣ формальнаго развитія, способности обобщенія приобрѣтаемыхъ знаній и возведенія ихъ къ опредѣленнымъ, вѣрнымъ понятіямъ, которыя бы могли быть для нихъ путеводителями въ жизни. При такомъ строгомъ, серьезномъ отношеніи къ дѣлу, можно предполагать, какъ должны были беспокоить и огорчать усерднаго ревнителя его всякія неудачи въ преподаваніи своего многообъемистаго предмета. А тутъ еще, при многочисленности уроковъ, на немъ, какъ и на другихъ преподавателяхъ, лежала обязанность чтенія, исправленія и разбора письменныхъ работъ ученическихъ или, такъ называемыхъ, задачекъ.

Этими работами онъ часто оставался не доволенъ, сравнивая ихъ съ такого же рода занятіями учениковъ своего времени и находя теперь въ тетрадкахъ ученическихъ больше компиляціи, чѣмъ самостоятельнаго труда и мышленія. И скорбѣлъ онъ сердцемъ, и надрывалась грудь его; а все работалъ и надъ уроками, и надъ тетрадями съ одинаковой энергіей и настойчивостію, пока не обезсилѣлъ до конца.

Дѣятельность Александра Ивановича по семинаріи не ограничивалась однимъ преподаваніемъ. Онъ почти во все время службы состоялъ членомъ педагогическихъ собраній правленія и потомъ экономическихъ. Также внимательны, сердечны, добросовѣстны и просто безупречны были его отношенія здѣсь къ лицамъ и предметамъ, какіе поставлялись на судъ и рѣшеніе этихъ собраній. Не зналъ онъ здѣсь мѣста для какихъ либо расчетовъ низшаго сорта, для эгоистическихъ побужденій и личной неприязни. Между прочимъ разсмотрѣнію педагогическихъ собраній подлежатъ, какъ извѣстно, отчеты по успѣхамъ и поведенію учениковъ. Чистосердечно желалъ покойный въ каждомъ ученикѣ видѣть достойнаго воспитанника духовной школы. Съ другой стороны, не могъ онъ судить проступки, грѣхи и прегрѣшенія тѣхъ же учениковъ по успѣхамъ и поведенію строго уставнымъ порядкомъ. До тѣхъ поръ онъ въ состояніи былъ оставаться строгимъ судьей, пока рѣчь шла о фактѣ и не касалось дѣло самого лица. Тутъ онъ, напротивъ, по своему сердоболію спѣшилъ какъ бы отдѣлать на время фактъ, поступокъ отъ лица и, воздавая должную дань первому, искалъ извиненія и снисхожденія послѣднему: и бѣдность, и нѣжда, и семейныя и квартирныя обстоятельства, и малоразвитость и неустойчивость характера, легко отклоняющаяся отъ правдо-

пути, но не свидѣтельствующая еще объ испорченности, и надежды и упованія на будущее—все это и подобное, извиняющее и облегчающее вину, обращало его вниманіе и указывалось имъ ради пощады и снисхожденія къ виновному. И все это дѣлалось разумно, допускалось тогда, когда не страдала отъ того сущность дѣла, школа и задача ея,—дѣлалось по совѣсти, а не съ предвзятою какою либо цѣлію, не съ затаенною, напр., мыслию пріобрѣсти тѣмъ популярность среди учениковъ: предъ ними и въ глазахъ ихъ онъ продолжалъ оставаться неизмѣнно строгимъ. И все это понятно будетъ для каждаго, если мы замѣтимъ, что покойникъ никакъ не могъ и не хотѣлъ ограничиваться одними оффиціальными отношеніями къ своимъ ученикамъ, ихъ нуждамъ и невздамъ. Они для него были люди, знакомые ему, близкіе его сердцу, свои, да еще молодые, юные, только что обучаемые и воспитываемые. А свой своему по неволѣ другъ. Въ указанныхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ Александра Ивановича къ ученикамъ мы не должны видѣть потому какой либо намѣренной уклончивости. Отвлеченное сознаніе представляло ему одно, а сердце, испытавшее всю нѣжность домашнихъ отношеній, съ другой стороны, всю суровость и жестокость дореформенной школы,—сердце требовало своего вопреки настоянію разсудка. И правда, кто своего не извинить, не оправдать, а тѣмъ болѣе меньшаго, слабѣйшаго, не пріобрѣтшаго еще въ достаточной мѣрѣ руководительнаго опыта и благоразумія, если только есть хоть не большія основанія къ извиненію? Снисходительный къ меньшей братіи на всякій разъ, когда кто либо изъ воспитанниковъ подлежалъ отвѣтственности, особенно тяжелой, за нарушеніе школьной дисциплины и не исполненіе своихъ обязанностей, покойный всегда великодушно относился также къ личнымъ

оскорбленіямъ, не смотря на всю не заслуженность ихъ съ своей стороны, и ограничивался въ крайности однимъ заявленіемъ, кому слѣдуетъ, о такихъ поступкахъ ученическихъ, безъ всякаго настоянія относительно наказанія виновныхъ, или отысканія ихъ, когда послѣдніе успѣли укрыться и когда, по его предположенію, одинъ, пожалуй, могъ пострадать за другаго; чаще же всего умалчивалъ, а всегда хотѣлъ бы умолчать о такихъ случаяхъ, какъ они тяжело ни отзывались бы на его настроеніи. Александръ Ивановичъ не желалъ ни какимъ образомъ сдѣлаться причиною чужаго несчастія, хотя бы не большаго, кратковременнаго и заслуженнаго. Нечего говорить о мести: тутъ не было и тѣни ея. Радъ, напротивъ, бывалъ покойникъ и успокоивался душою, если встрѣчалъ въ ученикѣ сознаніе своей неловкости. Приди и скажись, а не только извинись обидѣвшій и преогорчившій его,—и Александръ Ивановичъ готовъ былъ забыть всякую вину. Мало того, онъ готовъ былъ указать путь (конечно законный), какъ выдти изъ бѣды, если такая ужъ постигла, или готова была постигнуть ученика независимо отъ воли и желанія покойнаго; если же самъ при этомъ отказывался ходатайствовать за пришедшаго съ повинною головою, такъ потому только, что не желалъ, по своей деликатности, обратно поставить какъ либо въ затрудненіе тѣхъ лицъ, предъ которыми приходилось ходатайствовать. Но кто знакомъ съ дѣломъ воспитанія, домашняго или школьнаго, тотъ не станетъ судить покойнаго за его снисходительность, какъ бы клонившуюся къ тому, чтобы облегчить подобнаго рода уступками свое собственное состояніе; потому что хорошо долженъ знать, чѣмъ обходятся такіе извиненія и оправданія для сердца извиняющаго и оправдывающаго, если только они вытекаютъ изъ чистаго источника—изъ желанія

добра извиняемому и оправдываемому, какъ бы успѣхъ ихъ пріятенъ и желателенъ ни былъ. Съ этимъ пріятнымъ сколько горечи остается въ томъ же сердцѣ! Сколько тревожныхъ сомнѣній послѣдуетъ затѣмъ: да будетъ ли что пользы изъ снисходительнаго приговора для того, къ кому онъ относится? А если нѣтъ, то вѣдь, можетъ послѣдовать обратно вредъ, и не для одного, а и для многихъ, склонныхъ ко всякимъ соблазнамъ. За недоумѣніями, по сродству, идутъ безпокойства, тревоги, болѣзнованія. И болѣль покойникъ не мало душею не только какъ преподаватель, но и какъ одинъ изъ воспитателей.

Думы и влеченія къ своей школѣ не покидали Александра Ивановича и тогда, когда онъ лежалъ почти на смертномъ одрѣ. При каждомъ посѣщеніи его сослуживцами первые вопросы его были о томъ, что дѣлается въ семинаріи, въ какомъ положеніи находятся уроки по его предмету, не бросили-ль ученики со всѣмъ заниматься по нему въ его продолжительное отсутствіе. Распросы подобнаго рода дѣлались имъ и тогда, когда уже по крайности, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы. Съ этого момента занять онъ былъ много между прочимъ мыслію о томъ, кто послѣ него займетъ его каяедру, и обнаружилъ большое удовольствіе, когда услышалъ о заявленіи желанія быть переведеннымъ на освободившуюся вакансію бывшимъ воспитанникомъ калужской семинаріи, въ настоящее время учителемъ въ одной изъ дальнихъ губерній, къ которому покойникъ, какъ къ одному изъ лучшихъ учениковъ своихъ, всегда питалъ симпатіи. Съ мыслями и заботами о школѣ Александръ Ивановичъ, кажется, пошелъ и въ могилу.

(Продолженіе будетъ).

СПОСОБЫ ПРИВѢТСТВОВАНІЯ ДРУГЪ ДРУГА У РАЗЛИЧНЫХЪ НАРОДОВЪ.

Уже высшія изъ животныхъ не остаются равнодушными при встрѣчѣ съ индивидуумами своего рода. Самое обычное, что они при этомъ дѣлають, это обнюхиваютъ другъ друга, что представляетъ собою простое слѣдствие значительнаго развитія чувства обонянія у всѣхъ существъ, которыя не могутъ имѣть между собою духовнаго общенія. И у человѣческихъ племенъ, стоящихъ на высшей ступени культуры, чувство обонянія играетъ важную роль, между тѣмъ какъ у насъ оно отстываетъ на задній планъ. Нѣтъ однакоже ни одного человѣческаго племени, которое стояло бы на такой низкой степени развитія, чтобы подобныхъ себѣ узнавало только по запаху и чтобы взаимныя привѣтствія происходили у него посредствомъ обонянія; правда, у народовъ не только слабѣйшей, но и средней культуры обычнѣйшій способъ привѣтствованія стоитъ довольно близко къ обнюхиванію, потому что онъ состоитъ въ потираніи носовъ другъ у друга — фактъ слишкомъ общеизвѣстный, чтобы можно было въ немъ сомнѣваться. Но и этотъ для насъ смѣшной, даже отталкивающій насъ отъ себя способъ привѣтствованія, нѣсколько смягчается тѣмъ обстоятельствомъ, что тамъ наблюдаются и другіе обычаи при встрѣчѣ съ ближними, особенно съ единоплеменниками. Такими обычаями у народовъ высшей культуры суть: дутье въ руку и въ уши, потираніе груди, рукъ, передней части бедра или головы, трепанье по плечу и т. д. У народовъ средней культуры господствуютъ уже болѣе сложные способы привѣтствованія другъ друга, способы несомнѣнно выше стоящіе, чѣмъ только что названные. Въ Африкѣ, Австраліи и Америкѣ практикуются слѣдующіе роды привѣтствій.

У Егбовъ, народа Негрскаго племени въ центральной Африкѣ, (сосѣдей и враговъ кровожадныхъ Дагомеевъ), существуетъ множество правилъ этикета при

привѣтствіяхъ. Тамъ считается крупной неотесанностью сидящаго человѣка точно такъ же привѣтствовать, какъ и стоящаго, или выходящаго изъ дома, какъ и входящаго. Съ извѣстнаго рода привѣтствіемъ обращаются тамъ къ работающему человѣку и съ другимъ къ отдыхающему. Англійскій путешественникъ Буртонъ упоминаетъ не менѣе какъ о пятнадцати способахъ привѣтствованія, употребительныхъ у Егбовъ, соотвѣтственными словесными формулами. Если человѣкъ ниспій по рангу встрѣтится съ высшимъ себя, или сынъ со своей матерью, или младшій братъ со старшимъ, то кладетъ онъ несомую тяжесть на землю, нагибается, такъ что руки касаются земли, и потомъ плашмя повергается въ пыль, далѣе попеременно трется о землю лбомъ и каждой изъ щекъ; наконецъ цѣлуетъ онъ землю, и каждую изъ рукъ кладетъ подъ противоположную мышку; только послѣ вторичнаго цѣлованія земли можетъ онъ снова подняться на ноги. Но этотъ сложный процессъ, которымъ свидѣтельствуется о почтеніи, по отношенію къ одному и тому же лицу повторяется въ день только однажды. Если встрѣтятся два человѣка равные другъ другу, то оба садятся на землю на корточкахъ и сцѣпляются другъ съ другомъ пальцами. Полагаютъ, что каждый Егба тратитъ въ день на привѣтственныя церемоніи по меньшей мѣрѣ часъ.

У Мнорисовъ, туземцевъ новой Зеландіи, наблюдается особый родъ привѣтствія между двумя лицами, долгое время не видавшимися другъ съ другомъ. Эта церемонія называется *танги*, и состоитъ въ томъ, что встрѣтившіеся закутываются въ свои цыновки, закрываютъ ими даже и лица, оставляя свободнымъ только одинъ глазъ, потомъ садятся другъ противъ друга на корточки и отъ сердечнаго удовольствія по поводу встрѣчи начинаютъ плакать. Говорятъ, что слезы льются у нихъ, и на каждый заказъ готовъ обильный запасъ ихъ. Вдоволь навопившись, въ которое время даютъ другъ друга за носъ и издаютъ рядъ звуковъ, похожихъ на хрюканье.

Какъ скоро это кончено, вдругъ обнаруживаютъ полную радость и довольство, какъ еслибы о плачѣ никогда и не думали. Въ точномъ исполненіи этой церемоніи они такъ скрупулезны, что разъ одна новозеландка, увидѣвъ европейца похожаго на ея брата, исполнила предъ нимъ свое *танги* во всѣхъ его частяхъ. Тоже самое происходитъ и при прощаньи знакомыхъ. Если же приходятъ въ ихъ деревню чужіе, то вмѣсто *танги* выполняется другая церемонія. Хозяинъ выходитъ на встрѣчу посѣтителя въ своемъ военномъ нарядѣ, сплошь раскрашеннымъ, и съ копьемъ въ рукѣ. Этимъ размахиваетъ онъ и потомъ бросаетъ его насупротивъ себя, но не въ гостей. За тѣмъ обѣ группы садятся на корточки и каждый изъ посѣтителей надъ каждымъ изъ жителей выполняетъ *ани* т. е. ту часть *танги*, которая состоитъ въ прикосновеніи другъ къ другу носами; затѣмъ предлагается угощеніе и выражается радость.

Не менѣе другихъ дикихъ народовъ, стоящихъ на низшей степени культуры, чувствительны къ этикету воинственные Аравкане, живущіе на югъ отъ Чили, родственные Патагонянамъ и жителямъ Огненной земли. Если встрѣтятся двое, то они должны бывать выполнять длинный рядъ церемоніальныхъ комплиментовъ. Если это уроженецъ извѣстнаго селенія и Аравканъ изъ другой деревни, то первый начинаетъ свое привѣтствіе такъ: „Я тебя незнаю, братъ“, или: „Я тебя еще никогда не видалъ“. За тѣмъ гость называетъ свое имя и мѣсто жительства и спрашиваетъ хозяина о его здоровьи, о здоровьи его отца, матери, жены и всѣхъ родственниковъ, о благосостояніи имущества, стадъ, посѣвовъ и т. д., справляется, нѣтъ ли въ ихъ мѣстности заразныхъ болѣзней, смертности и не было ли другихъ какихъ несчастій. Если отвѣты удовлетворительны, то спрашивающій выражаетъ радость этому и говоритъ, что здоровье, благосостояніе и дружба—великія блага и что за нихъ должно быть благодарными богамъ. Если же полученныя свѣдѣнія содержатъ нѣчто неприятное, то

спрашивающій выражаетъ своему собесѣднику сожалѣніе и распространяется на тему, что несчастія должно переносить равнодушно, такъ какъ людямъ нельзя избѣгнуть ихъ, какъ бы ни было то желательно. Какъ скоро гость проговорилъ все, что предписывается приличіями, начинаетъ хозяинъ и спрашиваетъ о томъ же самомъ, сопровождая отвѣты, смотря по качеству ихъ, того или другаго рода нравоученіями. Это церемонія продолжается около четверти часа. Вопросы и отвѣты произносятся монотонно, въ нижнихъ нотахъ голоса; только конецъ каждаго предложенія, если послѣднее слово кончается гласнымъ звукомъ, почти выкрикивается; если же послѣднее слово оканчивается согласнымъ звукомъ, то теряется онъ въ носовомъ хрюканьи. Слушатель же время отъ времени выражаетъ свое удовольствіе какимъ нибудь звукомъ, занимающимъ средину между стономъ и хрюканьемъ или же выражаетъ свое удивленіе протяжнымъ: „гюэ“! Иногда онъ не прерываетъ оратора дотолъ, доколъ этотъ особеннымъ пониженіемъ голоса не дастъ понять, что кончилъ. Замѣчательно, что оба собесѣдника во время этой церемоніи другъ на друга не только не смотрятъ, но часто оборачиваются другъ къ другу даже задомъ. Какъ скоро этикетъ выполненъ, начинаютъ встрѣтившіеся въ обыкновенныхъ своихъ тонахъ разговаривать о томъ, что ихъ дѣйствительно интересуетъ.

Сходны съ Аравканскими церемоніи Китайцевъ. Если встрѣтятся двое знакомыхъ, проѣзжая гдѣ нибудь въ экипажахъ, то оба изъ нихъ выходятъ кланяются другъ другу и говорятъ предписанныя формулы вѣжливости дотолъ, доколъ не найдутъ, что удовлетворили правиламъ этикета. Во время выполненія этой обязанности взаимнаго почтенія всѣ экипажи, ѣдущіе сзади обоихъ, должны останавливаться. Понятно, что такого рода правилами вѣжливости выѣзды изъ дома затягиваются иногда на довольно продолжительно время. Считается хорошимъ тономъ о другомъ говорить въ почетнѣйшихъ выраженіяхъ, а о себѣ самомъ въ самыхъ уничиженныхъ. Даже

между простымъ народомъ вѣжливость весьма распространена; ругательства же и драки рѣдки. Въ привѣтствіи встрѣчныхъ, въ предписываемыхъ вѣжливостію поклонахъ и другихъ дѣйствіяхъ соображаются съ рангомъ встрѣтившагося и близостію отношеній; визитныя карточки напр., смотря по степени чести, которую хотятъ оказать, увеличиваются до размѣровъ комнатной стѣны. Въ счастливыхъ жизненныхъ обстоятельствахъ онѣ бываютъ красныя съ золотымъ на нихъ письмомъ, въ печальныхъ же бѣлыя съ голубымъ. Манера держанія себя при визитахъ и на балахъ точно также опредѣлена строгимъ этикетомъ. Замѣчательно что у Китайцевъ есть книга какъ церемоній, — ли—ки, —относимая къ числу священныхъ, такъ и книга совѣтовъ относительно церемоній, — ли—пу, —охраняющая наблюденіе формъ вѣжливости и считаемая за оракулъ въ вопросахъ относительно примѣненія ихъ.

Поклоны обычны и были и до сихъ поръ въ обычаѣ на востокѣ при взаимныхъ привѣтствіяхъ высшихъ лицъ нисшими, именно не только такіе какъ у насъ, но и въ формѣ паденія на землю и прикосновенія къ ней лбомъ. Въ древнемъ Египтѣ младшіе предъ старшими должны были сторониться, предъ ними вставать и т. п. Равные одинъ другому привѣтствовали другъ друга легкимъ наклоненіемъ головы и опускали руки къ колѣнамъ.

У народовъ съ культурой высшей и болѣе тонкой, особенно у народовъ арійскаго и семитическаго племени пожатіе руки и поцѣлуй всегда были самыми обычными выраженіями чувствъ при встрѣчѣ съ родственниками и знакомыми. Эти способы привѣтствія суть символическое выраженіе доброй воли помогать другъ другу рукой и устами, т. е. дѣйствіями и рѣчью, словами и дѣломъ. Другое объясненіе значенія поцѣлуя точно также глубокомысленно. Грудный младенецъ проситъ пищи, соотвѣтствующей его природѣ, протягиваетъ впередъ маленькій свой ротикъ, отдуваетъ губки, и мать видящая въ этомъ движеніи ихъ выраженіе вѣжности, отвѣчаетъ дитяти

точно такимъ же образомъ; по такому пониманію поцѣлуй служить выраженіемъ материнской любви.

Древніе Персы наблюдали точно опредѣленный этикетъ по сословіямъ, на которыя они были раздѣлены. У нихъ было въ точности опредѣлено, кого и какъ должно привѣтствовать. Подчиненные предъ своимъ начальникомъ падали на земь. Равноправные цѣловали другъ друга въ уста; не вполне равноправные въ щеки. Древніе Евреи привѣтствовали другъ друга выраженіемъ: „Шаломъ леха“, миръ тебѣ. Ту же самую привѣтственную формулу удержали ихъ родственники по племени, Арабы; они говорятъ при встрѣчѣ: „Селамъ алейкумъ“, при чемъ привѣтствующій, особенно нисшаго ранга, кладетъ лѣвую руку на грудь себѣ. Привѣтствуемый, если онъ одинаковаго положенія, отвѣчаетъ: „Алейкумъ ес селамъ“, „и съ тобою да будетъ миръ“. Знатные Арабы при взаимныхъ привѣтствіяхъ обнимаютъ другъ друга по нѣскольку разъ, цѣлуютъ одинъ другаго въ щеки и потомъ въ руки. Такъ поцѣлуй здѣсь утратилъ первоначальное свое значеніе и превратился въ простую форму вѣжливости или выраженіе преданности и покорности. Съ теченіемъ времени вошелъ въ практику обычай означать тѣмъ или другимъ видомъ поцѣлуя рангъ цѣлуемаго, потому что чѣмъ выше было цѣлуемое лице, тѣмъ ниже его цѣловали. Извѣстно, что католики у папы, главы своей церкви, цѣлуютъ туфлю. Поцѣлуй въ лобъ напротивъ сталъ знакомъ благоволенія со стороны высшаго и знатнаго лица, а также и родительской любви. Греки, ненавидѣвшіе всякаго рода низости, изгнали изъ практики паденіе на землю, а вмѣстѣ съ этимъ и церемониальный поцѣлуй, который у нихъ обычнымъ сталъ при засвидѣтельствованіяхъ лишь родственной любви, а публично они привѣтствовали другъ друга лишь пожатіемъ руки. Привѣтственной у нихъ формулой была: „хере“, у Римлянъ при встрѣчѣ: „Аве!“, при прощаньи: „Салве!“ Со времени вырожденія обоихъ народовъ и подъ влияніемъ воцарившагося у нихъ вмѣсто свободы деспотизма и по

Европѣ распространилось азіатское паденіе нищѣ. Другую болѣе благородную форму принялъ поцѣлуй во времена феодальныя; онѣ служилъ знакомъ пожалованія кого левнымъ владѣніемъ, вошелъ въ обрядъ вѣнчанія, въ посвященіе въ рыцари, при принятіи въ монастырь, въ цехъ ремесленниковъ, въ общество художниковъ и т. д. Во времена рыцарства и крестовыхъ походовъ (12-е и 13-е столѣтія) гости принимались въ замокъ съ поцѣлуями, если они выше были, чѣмъ хозяинъ замка, или равны ему; посѣтители цѣловали въ замокъ и всѣхъ дамъ въ дому хозяина и другихъ дамъ, бывшихъ въ обществѣ, одинаковаго съ собой происхожденія. Привѣтственной формулой были тогда: „Весьма пріятно, очень радъ видѣть Васъ“, „Добраго дня“ или „Богъ милуетъ Васъ“, на что отвѣчали: „Богъ да воздастъ Вамъ“. По вступленіи гостей въ комнаты, дамы вставали, кланялись сложивъ руки и потомъ опять сѣли.

Въ новѣйшее время у европейскихъ народовъ вмѣсто всѣхъ другихъ привѣтственныхъ знаковъ вошло въ обычай снимать шляпу. Обнаженіе головы считалось въ Европѣ уже и ранѣе знакомъ почтенія предъ высокопоставленными лицами, въ общій же обычай вошло дѣлать это при встрѣчахъ только въ періодъ распространенія моды на парики, когда шляпы нельзя было надѣть на голову и принуждены были носить ее подъ мышкой; это было во второй половинѣ 17-го столѣтія. Вслѣдствіе этого скоро привыкли съ непокрытой головой и говорить съ другими; привычка эта удержалась и въ то время, когда парики стали дѣлаться меньше и наконецъ (въ 18-мъ столѣтіи) вышли изъ моды, а шляпы тогда стали носить тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Послѣ того какъ въ нашемъ столѣтіи дѣловыя занятія и сношенія такъ развились, что не стало досужнымъ останавливаться другъ передъ другомъ, само собою вошло въ нравы и никому не стало казаться смѣшнымъ, что при поспѣшномъ прохожденіи чрезъ улицы тотъ и другой изъ насъ быстро снимаемъ свои фуражки и потомъ тотчасъ же снова ихъ

надѣваемъ. Возставали тамъ и здѣсь въ послѣднее время противъ этой моды и хлопотали о введеніи привѣтствія рукой или словами, но эти проэкты не находили благосклоннаго приѣма у большинства, а вновь принимавшіеся привѣтственные знаки удерживались тамъ и здѣсь недолго. Благочестивые католики, особенно богомольцы, въ Германіи и Швейцаріи обращаются другъ къ другу со словами: „Да будетъ хваленъ Христосъ Іисусъ“, на что получается отвѣтъ: „во вѣки, аминь“, Это привѣтствіе рекомендовано было папою Бенедиктомъ XIII, въ 1728 г. Въ кантонахъ Швейцаріи романскихъ на привѣтствіе „Добраго дня“ отвѣчаютъ: „Добраго года“, У рудокоповъ обычное привѣтствіе „Счастливо“, у фехтовальщиковъ: „Благополучно“, у студентовъ: *Prosit*. Пожатіе же руки осталось и навсегда останется кѣнечно прекраснѣйшимъ и всего менѣе олошливающимся привѣтствіемъ при заявленіяхъ благожеланія и дружбы. (*Яросл. Епарх. Вѣд.*)

ИЗВѢСТІЕ.

Церковь Московскую, извѣщаютъ „Московскія Вѣдомости“, а мы прибавимъ, и всю Русскую, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, постигло неожиданное несчастье: великій Архипастырь Московскій, Высокопреосвященнѣйшій *Митрополитъ Макарій скончался* 9 сего іюня ночью, въ 35 м. 12-го часа, близъ Москвы на дачѣ въ Черкизовѣ.

Утромъ, въ день кончины, владыка, какъ сообщаютъ *Моск. Вѣд.*, чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и былъ веселъ, по обычаю занимался дѣлами и принималъ просителей, которыхъ въ этотъ день было сравнительно немного. Въ началѣ 12 часа, такъ какъ посѣтителей нивого уже не было, владыка отправился куцаться, какъ это дѣлалъ онъ и въ предъ

шествовавшіе дни съ конца мая. Въ купальню всегда сопро-
вождалъ его одинъ изъ келейниковъ, помогавшій ему раздѣть-
ся и одѣться. По словамъ келейника, войдя въ воду и оку-
нувшись два раза, владыка немного покачулся, что келей-
никъ объяснилъ себѣ сначала тѣмъ, что владыка оступился;
но затѣмъ, увидавъ, что владыка взялся за перильце входной
въ купальню лѣстницы и идетъ не на ступеньки, а мимо ихъ,
подхватилъ его подъ руку, чтобы помочь ему подняться изъ
воды. Лицо владыки въ это время имѣло растерянное выра-
женіе; онъ говорилъ: «Что ты? что ты? я самъ выйду». Тутъ
призванъ былъ на помощь другой келейникъ и они вдвоемъ
начали одѣвать владыку, а между тѣмъ послали за врачомъ въ
Измайловскую богадѣльню. Владыка и тутъ старался все дѣ-
лать самъ, но видя, что дѣло у него не спорится, повторялъ:
«Господи, что это такое?» Голову и виски мочили ему оде-
колономъ. Наконецъ одѣли его наскоро. Опять онъ выразилъ
желаніе идти безъ поддержки, но, пройдя съ помощію келей-
никовъ сажени двѣ, лишился чувствъ. Въ такомъ состояніи
внесли его въ кабинетъ и посадили на диванъ; у пріѣхавша-
го ко владыкѣ по дѣлу, во время его купанья, адъютанта
Московского генералъ-губернатора Вишневекаго нашелся съ
собою нашатырный спиртъ; начали имъ приводить больного
въ чувство и класть на голову компрессы; а между тѣмъ по-
доспѣлъ врачъ Измайловской богадѣльни Изумуровъ и на-
шелъ владыку въ такомъ видѣ: глаза закрыты, цвѣтъ лица
мертвенный, дыханіе слабое. Минуты черезъ три усиленныхъ
стараній привести больного въ чувство, послышался глубокій
вдохъ. По распоряженію г. Вишневекаго, раньше были по-
сланы его лошади за врачомъ въ Преображенскую больницу,
и черезъ нѣсколько времени оттуда прибылъ Dr. Державинъ.
Между тѣмъ нарочно посланные въ Москву извѣстили о не-
счастіи московскаго генералъ-губернатора, преосвященныя
викаріеву, намѣстника Чудова монастыря и экономъ Троиц-

баго подворья; всѣ они скоро собрались у постели больного, а съ экономомъ прибылъ ординаторъ Клиники Спасокукоцкій. Усилія трехъ врачей возвратить больного къ сознанію не привели ни къ чему, владыку положили на постель и, чтобы дать ему болѣе свѣжаго воздуха, перенесли его на выходящую въ садъ стеклянную галерею, любимое мѣсто занятій покойнаго. Принятыя врачами мѣры ободряли окружающихъ надеждой: дыханіе стало правильнѣе, пульсъ полнѣе, не было только сознанія. О неожиданномъ несчастіи посланы были телеграммы митрополиту с.-петербургскому Исидору, оберъ-прокурору св. синода и брату владыки протоіерею Казанскаго въ Петербургъ собора. До 10 часовъ въ положеніи больного не замѣчено было никакихъ перемѣнъ, но съ этого времени началось хрипѣніе въ груди, дыханіе становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ; въ исходѣ 11 часа прибылъ отецъ намѣстникъ Лавры. Врачъ объявилъ, что появляются угрожающіе признаки, дыханіе стало прерывистѣе, наконецъ владыка стихъ, черезъ пять минутъ душа его тихо перешла въ горніе міръ, и отецъ намѣстникъ тотчасъ же совершилъ панихиду. О печальномъ событіи посланы были извѣщенія московскому генералъ-губернатору и преосвященнымъ викаріямъ. Въ 2 часа по полуночи прибылъ московскій генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ. Преосвященные викарии послали по телеграфу уведомленія митрополиту Исидору и оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. Тѣло владыки уже перенесено было въ залъ, оба преосвященные совершили панихиду, во время которой происходило и облаченіе почившаго архипастыря. Послѣ панихиды преосвященные съ княземъ долго оставались у тѣла. Тотчасъ послѣ панихиды началось надъ усопшимъ чтеніе Евангелія. Ударъ сельскаго колокола разнесъ по сосѣднимъ селамъ печальную вѣсть о кончинѣ архипастыря. Въ 4 часа ночи эту вѣсть сообщилъ Москвѣ колоколь Иванъ Великаго. Съ пяти часовъ крестьяне окрестныхъ селъ сходились

толпами поклониться усопшему архипастырю. 10 числа утромъ въ половинѣ 10 часа пресвященнымъ Алексіемъ въ сослуженіи съ нѣсколькими архимандритами совершена была заупокойная литургія въ домово́й крестовой церкви; во время богослуженія прибылъ изъ Петербурга увѣдомленный по телеграфу братъ почившаго, настоятель Петербургскаго Казанскаго собора протоіерей А. П. Булгаковъ. Послѣ обѣдни пресвященные Алексій и Никодимъ Оваторскій соборнъ съ нѣсколькими архимандритами отслужили паннихиду, при многочисленномъ собраніи жителей Москвы и крестьянъ изъ соседнихъ селъ.

Въ продолженіи двѣ стеченіе народа, приходившаго поклониться тѣлу своего архипастыря, все увеличивалось. Тѣло святителя было положено на столъ въ залѣ, облаченное въ митру и саксо́съ, съ крестомъ и Евангеліемъ на груди, покрытое архіерейскою мантиею. Въ изголовьи поставлены рипиды и нерукотворный образъ Спаса; у стѣны подъ иконою святителя Алексія поставленъ архіерейскій жезлъ. Лицо почившаго покрыто воздухомъ. Но лицѣвшіе его еще отархитымъ поражены были тѣмъ свѣтлымъ спокойнымъ выраженіемъ, которое свидѣтельствуетъ о тихой и безболѣзненной кончинѣ, соответствовавшей его святой жизни. Многіе изъ приходящихъ на поклоненіе почившему архипастырю служили паннихиды, прерывавшія чтеніе Евангелія; многіе изъ присутствующихъ плакали. Въ 8 часовъ вечера пресвященными Амвросіемъ и Алексіемъ съ архимандритами и духовенствомъ было совершено положеніе во гробъ тѣла въ Бозѣ почившаго. Гробъ дубовый, снаружи обитъ газетомъ. Послѣ положенія во гробъ тѣло владыки-митрополита было перенесено въ крестовую церковь, причемъ присутствовали: московскій генерал-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, гражданскій губернаторъ, вице-губернаторъ, городской голова и множество лицъ всѣхъ классовъ общества.

11 іюня, съ равняго утра дворъ митрополичьей дачи въ Черкизовѣ, въ домовоіи церкви коеіи положены останки Высокопреосвященнаго Макарія, наполнился толпами москвичей и до поздней ночи становой и урядники по очереди впускали ихъ поклониться праху Владыки. Въ 9 часовъ преосвященными Никодимомъ, епископомъ Оаворскимъ, и викаріемъ московскимъ Алексіемъ была совершена литургія, а послѣ нея панихида. Панихиды совершались и днемъ, при чемъ въ числѣ лицъ изъ высшаго духовенства, пріѣзжавшихъ для служенія ихъ въ Черкизово мы видѣли преосвященнаго Кирилла Воронежскаго, ректора московской духовной академіи протоіерея С. К. Смирнова и многихъ архимандритовъ, въ числѣ коихъ настоятеля единовѣрческаго преображенскаго монастыря о. Павла. Было при панихидахъ много начальвицъ монастырей, вышихъ особъ и воспитанвицъ учебныхъ заведеній съ классными дамами. Вечеромъ въ 8 часовъ совершена панихида преосвященнымъ Амвросіемъ Мѣстомъ для погребенія своего, покойный Владыка Макарій самъ избралъ Успенскій соборъ Троицкой лавры, именованъ уголъ около склеповъ митрополитовъ Августина Московскаго и Кирилла Рязанскаго, гдѣ и готовится уже новый склепъ. 12 числа, въ 9 часовъ утра изъ Черкизова предположено перенести тѣло святаго въ Москву по окончаніи литургіи около 12 часовъ дня.

Отпѣваніе въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнаго Макарія, назначено въ понедѣльникъ, 14 сего іюня, въ Чудовомъ монастырѣ. Литургія начнется въ 10 часовъ; по совершеніи отпѣванія, тѣло почившаго Архипастыря въ сопровожденіи духовенства столицы и всѣхъ чтущихъ его память, будетъ перенесено на станцію Ярославской желѣзной дороги, для препровожденія въ Сергіеву Лавру и преданія землѣ въ лавромъ Успенскомъ Соборѣ, согласно съ волею почившаго Митрополита.

(Совремн. Извѣст.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста (отъ 8 мая 1882 г. за № 14⁶⁰/7). Циркулярами отъ 19 апрѣля, 25 мая и 30 іюля 1879 г. за №№ 1632, 2350 и 2690, Главное Управленіе просило мѣстныхъ учрежденія открыть сборъ пожертвованій въ пользу погорѣльцевъ городовъ Оренбурга, Уральска, Ирбита и Иркутска.

Въ виду того, что нужды потерпѣвшихъ въ возможной мѣрѣ удовлетворены, Главное Управленіе покорнѣе проситъ Управленія и Комитеты прекратить сборъ пожертвованій на означенную помощь.

Управленіе Рязско-Вяземской желѣзной дороги симъ объявляетъ, что пассажиры, за исключеніемъ дѣтей, отправляющіеся чрезъ Вязму въ Москву на Всероссийскую промышленно-художественную выставку, со станцій Рязско-Вяземской дороги Калуга и Мятлевская, съ 21 сего Мая будутъ перевозиться въ Москву въ вагонахъ всѣхъ трехъ классовъ за полную тарифную плату, а обратно по тому же пути за половинную плату этого тарифа, причемъ билеты на обратный поѣздъ должны приобрѣтаться на станціяхъ первоначальнаго отправленія—Калуга и Мятлевская—по цѣнѣ обозначенной на билетѣ. Обратные билеты будутъ годны на поѣздъ въ теченіи 9 дней со дня покупки ихъ на станціи первоначальнаго отправленія (Калуга и Мятлевская). Билеты эти при обратномъ отъѣздѣ со станціи Москва должны представляться въ билетную кассу станціи Москва для наложенія штемпеля.

Калуга. Въ Губерн. Типогр. Печатан. съ разрѣшенія цензуры.